

На грани мечты и действительности

О поэтических произведениях Уолтера Де ла Мэра

Л.Я. ЗИМАН,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры раннего изучения иностранных языков, Московский городской педагогический университет

Очень необычна эта сказка. Заглавие «The Scarecrow» — пугало, огородное чучело, можно перевести и как страшилище; нечто, вызывающее необоснованные страхи, панику. Но здесь это странное существо — с всунутыми в рукава веткой и палкой, изображающей дубинку, вместо рук и с деревяшкой с утолщением на конце вместо головы — вызывает поразительную симпатию у «самого молоденького из всех добрых дядюшек Тимов» (цит. по переводу А. Ставиской), которому, судя по отдельным репликам в сказке, примерно лет 140 или чуточку меньше. Начнем с того, что в давние времена, лет 130 назад, пугало не столько отпугивало птиц, сколько защищало от силков, расставляемых десятилетним тогда мальчиком Тимом. И именно туда, где стоял старый Джо (так называет пугало дядюшка Тим), птицы слетались сотнями, а мальчик не решался ставить уже приготовленные силки. Как-то пробираясь к месту, избранному для будущей ловушки, он засыпал на месте, увидев, что Джо ожил и посмотрел на него, «ворочая глазами».

Пугало стало лучшим другом Тима на много, очень-очень много лет. Больше того, «...мы братья-близнецы, — сообщает он своей внучатой племяннице Летиции. —

Если меня поставить на его место, ты бы, наверное, не могла нас различить».

Но самое главное впереди. В какой-то момент на месте огородного пугала появилась фея. Нет, это не Джо превратился в фею — он «был только местом, где феи... назначали randevu. Не он был феей, а в нем (курсив автора. — Л.З.) была фея». Это бесплотное создание будет являться перед Тимом всю жизнь. Во сне или наяву? В мечтах или в действительности?

В одной из последних сказок выдающегося английского писателя **Уолтера Де ла Мэра** (1873–1956) эта неуловимая грань, характерная для многих его произведений, превращается в подлинно поэтический гимн тончайшим нюансам воспроизведения жизни.

25 апреля 2013 г. исполнилось 140 лет со дня рождения английского писателя. Когда Уолтер Де ла Мэр появился на свет, отцу, французу по происхождению, было уже 62 года. Вскоре он скончался. Уолтер был тогда совсем юн. «Но чем старше становился, — читаем в словаре литературных биографий, — тем теснее памятью своею привязывался к отцу... Он понимал, что память в большей мере зависит от воображения, чем от воспроизведения событий» [6, 71]¹. И на-

¹ В квадратных скобках указан номер работы и страницы в ней из раздела «Использованная литература. — Ред.

верное, главное достоинство его произведений — в богатстве воображения.

Выпускник церковной хоровой школы, Уолтер Де ла Мэр очень чутко воспринимал музыкальную сторону литературного произведения, собирал народные стихи и песни. Очень долго не мог целиком отдать себя творчеству, в течение 19 лет (с 1889 г. — с шестнадцатилетнего возраста — до 1908 г.) служил в лондонской конторе англо-американской нефтяной компании. Однако в последние годы жизни приобрел поразительную популярность, неоднократно удостоивался высоких наград, стал кавалером орденов Почета и «За заслуги».

Уолтер Де ла Мэр писал и романы, и короткие рассказы, и сказки, и стихи, и песни, и литературно-критические очерки. Он автор книги о Льюисе Кэрролле, предисловий к произведениям Вильяма Шекспира, Даниэля Дефо, Чарлза Диккенса, сборникам английского фольклора, составитель антологий по различным направлениям английской литературы, но, прежде всего, прославился своими произведениями для детей. По сей день его анималистическая повесть-сказка «Три королевских мартышки», сборники сказок «Пугало и другие рассказы», «Старый лев и другие рассказы» — одни из любимых книг английских детей. Вершиной его творчества стали стихотворные сборники «Песни детства», «Колокольчики и трава», «Пирог-задавака». Первыми их слушателями были, по свидетельству одного из биографов писателя, его дети: два мальчика и две девочки [6, 74].

Изошренная мелодика детских стихотворений Де ла Мэра трудно поддается переводу. Тем не менее на сегодняшний день мы имеем прекрасные переводы Виктора Лунина и некоторых других поэтов-переводчиков. Определенный вклад в распространение детских стихотворений Де ла Мэра внесла выпускница московского педколледжа № 12 и Московского педагогического государственного университета Полина Зехова. Ее переводы, созданные как в процессе выполнения колледжской курсовой работы по развитию творческих способностей детей при восприятии поэтического

текста, так и уже после окончания колледжа, были опубликованы в журналах «Юность» (1997. № 2) и «Детская литература» (1998. № 5–6). Разбору переводов поэзии Де ла Мэра на русский язык посвящена одна из глав нашей книги «Английская поэзия для детей на языке оригинала и в русских переводах» [2, 94–120].

Детское видение мира уникально, дети верят в чудо. И все творчество поэта, как пишет автор одной из статей о поэте — Лана Паштиани, «рождает в нашем воображении чудо» [4, 139]. Наше зрение и слух, считал поэт, обогащаются нашей же фантазией, пропитывающей жизнедеятельность детей. При этом «сокровенные тайны души выражаются в сновидениях» [7, 112]. Как и в сказке «Пугало», сюжеты многих стихотворений разворачиваются на тонкой грани между сном и явью, мечтой и действительностью. От ветра зазвенели колокольчики в стихотворении «Коплянка» или «феи прикасались к ним легонько»¹? Во сне увидел маленький лирический герой взлетевшего в небеса зайца или это была игра теней и ветра «в час полуночный» при свете луны (стихотворение «Заяц»)?

Детские стихи пишутся, как правило, сочными красками, густыми мазками. А у Уолтера Де ла Мэра — полутона. Он любит промежуточные состояния. В стихотворении, которое в разных изданиях носит название то «Соня» (Sleepyhead), то «Гномы» (The Gnomies), «...действие разворачивается на стыке ночи и дня, на грани сна и пробуждения». Ребенок, от имени которого ведется повествование, слышит песню гномов, которые приглашают его «в свой замок на древнем холме», соблазняя и увлекательными играми, и разнообразными яствами. Но не успел он выйти из дому, как гномы исчезли, и слышна была только трель малиновки, певшей о лютиках и росе. «Неизвестно, приснились гномы герою стихотворения (это плод его детской фантазии) или попросту не дождался, пока он наденет чулки и башмаки» [2, 117].

Недоговоренность, возможность по-разному домысливать те или иные детали сю-

¹ Цитаты из стихотворений, кроме специально оговоренных, даются в переводах В. Лунина.

жета — тоже одна из новаторских черт поэзии Де ла Мэра.

В сказке «Пугало» Тим впервые увидел фею ночью при первой звезде. Волшебным превращением дня в ночь назвал он это время суток. Именно ночью

...мечты детей
Меж темнеющих ветвей
Вьются в воздухе тайком,
Как цветы на дне морском.

(«Пробуждение»)

Ночью услышал маленький лирический герой стихотворения «Дождь» «сладкую» песню дождя, но о чем она, «так до конца не узнал» (пер. П. Зеховой).

«Ночь, — пишет переводчица стихотворения «Дождь», — это время, когда любой человек, даже самый рассудительный, готов встретиться с чудом лицом к лицу. И очень часто присутствует при этом у поэта луна... В ее чарующих лучах все вокруг начинает источать серебряный свет» [1, 65]:

Владенья хозяйка-луна не спеша
Обходит, серебряной юбкой шурша;
Серебряным взглядом окинет она
Уже серебристые створки окна;
Серебряный свет от соломенных крыш
Встревожит садов серебристую тишь.
В свою конуру крепко дремлющий пес
Серебряный лучик на лапах принес.
С серебряным блеском в пушистых хвостах,
Забьлись голубки в серебряных снах.
Серебряным об пол стуча коготком,
Торопится мышь с серебристым глазом;
И сонная рыба в ручье, в тростнике,
Блестит серебром на своем плавнике.

Перевод П. Зеховой

(«Серебро»)

А в других стихотворениях волшебным представляется, наоборот, превращение ночи в утро. Самые обыденные вещи приобретают чудесные свойства:

Скользнул дрожащий
Солнца луч —
Блеснул торчащий
Из шкафа ключ.

(«Пробуждение»)

Пищу детскому воображению, детской фантазии может дать любая вещь, любое

явление или происшествие. Малютка Люси (в переводе В. Лунина она получила имя Джой) потеряла башмачок. Девочка ищет его в шкафу, в постели, «на столе, где пирожное ели», и в саду, и на голубятне, и в собачьей конуре: «чисто детская непосредственность, доведенная до логического абсурда... Затем обращается к птицам (в оригинале и к кролику) — это традиционный сказочный прием, но по очень уж бытовому поводу. А в результате — скачет по всей вселенной — через тысячу стран, горы и пустыни, ныряет на морское дно, а в русскоязычной версии даже взбирается к небесам. Абсурд, рождающийся из вполне реальных бытовых явлений, — черта, характерная для английской детской литературы, начиная с Эдварда Лира и Льюиса Кэрролла» [2, 117].

Живым представляется маленькому лирическому герою снеговик из одноименного стихотворения. Долго он стоял недвижим и вроде бы ничего не видел и не слышал. Однако в полночь, когда «петушинный крик до самых звезд дорос», он, предварительно потерев нос ладонью,

Взмахнул метлой, ступил на лед
И вот уж пляшет и поет.

А у яблока даже косточки оказались живыми и получили человеческие имена: Дик, Том и Робин. Здесь явственно ощущаются фольклорные традиции: кто только не носит человеческие имена в английских сказках и малых фольклорных жанрах! Двойника нашего Колобка, например, зовут Джонни-пончик, а свечку из загадки — маленькая Нэнси Эттикоут. Поэзия Де ла Мэра — сказочная смесь подлинной жизни и детской игровой фантазии.

Нежные, лиричные, сказки Уолтера Де ла Мэра могут быть и грустными, с печальными концами. Задорным, поразительно мелодичным амфибрахием написана стихотворная сказка «Вокруг света» — о трех братьях, на пари попытавшихся, «танцуя, весь мир обойти». Спрятав башмаки в сундук («чтоб... не сбить каблуки»), они босиком прошли по городам и весям, по полям и лугам, по горам и кручам, даже во сне продолжая танцевать. Но на морское дно решил спуститься лишь младший брат, самый лучший по законам сказки. Его с тех

пор больше уже не видели, по глади океана плыла только шляпа. А волны тяжело вздыхали в ответ на двадцатикратный зов старших братьев, которые не оплакивают Бертрана (таково имя их младшего брата), нет, они поют гимн герою-победителю:

Золото наше
Теперь мы вдвоем,
Без тени сомненья,
Тебе отдаем.
Да, брат! Только ты,
Не сбиваясь с пути,
Сумеешь, танцуя,
Весь мир обойти.

Навсегда исчез и сын мельника, поспешивший по призыву отца за голубками, чтобы увидеть весь свет. Нежная арфа и мандолины оплакивают теперь его судьбу в песне, имитирующей фольклорные напевы. Песня эта носит название «Мельник и сын», а вся баллада — «Мельник и его сын». В морской пучине нашли свой вечный сон братец с сестричкой Дженни и тот моряк, который взял их в плавание («Серебряный пенни»).

С незапамятных времен одним из любимых фольклорных жанров у детей были заклички — обращения к явлениям природы и приговорки — обращения к животным. Они вошли в художественную ткань многих сказок. Вспомним хотя бы обращения пушкинского царевича Елисея в поисках царевны к солнцу, месяцу, ветру. «Произнося веселые игровые заклинания, — писал в своих воспоминаниях о детстве С.Я. Маршак, — приказывая огню гореть, дождю — перестать или припустить сильнее... мы как бы впервые чувствовали свою власть над природой» [3, 321]. В стихотворении Де ла Мэра «Прятки», одним из популярнейших его стихотворений, не ребенок, а сами явления природы: ветер, луна, облако, волна — приглашают его сыграть в эту увлекательную игру. Обогащенные детской игровой фантазией, эти явления природы превращаются в сказочные образы, ведущие диалог с маленьким лирическим героем:

— Сыграем в прятки, — сказала луна,
С неба скатившись в лес.
— Сыграем в прятки, — сказал ветерок

И за холмом исчез.

— Сыграем в прятки, — увидев звезду,
Сказали ей облака.

— Сыграем в прятки, — сказала волна
Причалу у маяка.

Лирический герой поэзии Де ла Мэра — не властелин природы, он друг ее и даже напарник в играх [2, 115].

Друг он и всех живущих на земле. Одно из стихотворений носит название «Quack-hunting». Виктор Лунин перевел: «Охота на уток». Наверное, правильнее было перевести «Кряк-охота»: в названии, а затем и в тексте стихотворения не единожды используется звукоподражание утиному кряканью. Под покровом таинственной ночи пробирается повествователь — лирический герой на рыбацкой лодке среди камышей и тростника — очень осторожно, чтобы не вспугнуть уток во время охоты, которая «заключается в том, что он их кормит и считает кряканья как выражение удовольствия от еды». С каким обаянием описывается их «ужин»: тут и писк, и кряканье, и посасывание! «Поразителен мелодический рисунок стихотворения. Каждая строфа — восьмистишие завершается двусложным стихом, причем все они не только рифмуются, но и повторяются: *Duck — Duck — quacks — quacks*. У Лунина концевые стихи каждой строфы — трехсложные, не рифмующиеся между собой, в них повторяются лишь корневые морфемы: *утиной — утиных — считаю — со счета*» [2, 116].

Английский детский писатель, наследник фольклорных нонсенов — «Mother Goose Rhymes», Эдварда Лира и Льюиса Кэрролла (о котором, как уже говорилось, он написал книгу), Уолтер Де ла Мэр не мог не обратиться к жанру перевертыша — *topsy-turvy*. В его стихотворении «Eeka, Neeka» (в переводе В. Лунина эта абракадабра звучит как «Ака, Вака») появляются не только знакомые нам по другим подобным нонсенсам замок без ключа, комната без двери, но и такие «феномены», как дверь без комнаты и комната без дома. Стихотворение звонкое, поразительно ритмичное, написанное четырехстопным хореем — размером, который, по свидетельству К.И. Чуковского, особенно лю-

бят дети, оно может разыгрываться как считалка. Кажется, безудержным весельем веет от этого перевертыша. Однако одна из студенток педуниверситета на занятиях по английской детской литературе уловила и легкую грусть лирического героя, ощущающего нехватку необходимых для него вещей. Этот вывод был сделан на основе двух последних стихов, где «автор просит «уползать» (сreep away) и придти в другой раз» [2, 119]. В этих стихах «быстрый» хорей заменяется более «замедленным» ямбом. В лунинском переводе намек на подобное прочтение стихотворения нет.

Так или иначе, наряду с едва уловимой границей между сном и явью, ночью и утром, для стихотворений Де ла Мэра характерна еще одна «размытая» граница — между смешным и грустным. Мы уже писали о грустных концах очень бодро начинавшихся сказок. Источником для смешения смешного и грустного в стихотворении «Тупик» является часто повторяемая фраза «Как вы помолодели!». Старый мистер Джонс был уже на грани жизни и смерти, как вдруг начал выздоравливать и... постепенно молодеть. Седая борода приобретает оттенок воронова крыла, возвращаются все 32 зуба, проясняются глаза, розовеют щеки. Вот ему уже 40 лет — и тут же 21. Возвращается энергия молодости. А затем... он растет вниз и вниз. Превращается в ребенка, затем в младенца — и старая миссис Джонс

Плачет, рыдает,
Мужа-ребенка
В люльке качает.

Смешное это стихотворение или грустное? Надо сказать, что среди студентов, будущих учителей начальных классов, одинаковых ответов на этот несложный вопрос не было.

А в стихотворении «Кто бы мог предположить?» отогнанный от пчелиных сот всем пчелиным роем во главе с королевой

Медведь в затылке почесал
И молвил без укора:
— Ну кто бы мог предположить,
Что я похож на вора?

Ироничную улыбку вызывает у юного читателя герой этого стихотворения. И одновременно жалость. Так же, как и плачущая в коридоре заходемовская киска, которой «злые люди... не дают украсть сосиски».

Но ведь и заходемовская кошка, и делаэровский медведь действительно воришки. Почему же они вызывают сочувствие у юного (и не только юного) читателя? «Все медведи любят мед и, естественно, пытаются добыть его любым способом. Это естественная черта биологического вида, и автор не может осуждать медведя за то, что он... медведь. В этом стихотворении проявляется характерная для детской литературы, начиная с конца XIX в., «новая многозначность образов животных» (Зиман Л.Я. Зарубежная литература для детей и юношества. М.: Русская школьная библиотечная ассоциация, 2007. С. 110)» [2, 118]. Можно вспомнить в этой связи персонажей сказок и Кеннета Грэма, и Беатрикс Поттер, и трусливого зайца из сказки Д.Н. Мамина-Сибиряка, и «нахального барсучка Фридолина» из сказочной повести Ганса Фаллады...

Звери, птицы, насекомые — частые гости в стихотворениях Де ла Мэра, как и у многих детских поэтов разных стран. В шуточном стихотворении нашего поэта Саши Черного «Что кому нравится» различные представители фауны и удивляются, и сочувствуют купающимся в речке ребятишкам. Чижик — тому, что у них

Ноги — длинные болталки,
Вместо крылышек — две палки,
Нет ни пуха, ни пера.

Заяц — тому, что у них «нет ни хвостика, ни меха». А карасю невдомек, как они обходятся без чешуйки.

У Уолтера Де ла Мэра, наоборот, бедной птице сочувствует маленький лирический герой стихотворения «Бедная птица» (у нее нет ни рук, ни пальцев); холодной рыбе (мало того что у нее нет ни рук, ни ног, так она к тому же не может вымолвить ни слова, ни даже абракадабры); дорожному сорняку (у которого нет ни глаз, ни ног, ни рта, ни сердца). И тут же — как это в духе Де ла Мэра! — этот маленький лирический герой находит достоинства у каждого из этих су-

ществ, такие достоинства, о которых может только мечтать:

Но где МОИ крылья?..
 Но где МОИ жабры?..
 ...как бы хотел я
 В тени и на солнце ясном
 Быть таким же мягким, как ты (сорняк — Л. З.),
 Таким же прекрасным.

Дети в стихах Де ла Мэра обладают способностью «видеть мир глазами любого предмета, существа, природного явления» [1, 65]. Например, мухи, героини одноименного стихотворения:

Каким же огромным и странным
 Все кажется маленькой мушке!
 Она спит в цветочном бутоне,
 Как в пухом набитой подушке.

Колочка от розы — ей сабля,
 А зеркало — капля росинки,
 И толстой веревкой ей служит
 Кольцо золотой волосинки.

Перевод П. Зеховой

В последней строфе этого стихотворения дается цельная сюжетная зарисовка: на высокой горе — буханке хлеба — муха пасет ослепительно белых ягнят — крупинки соли. А оса, подобно свирепому леопарду, подстерегает добычу.

«Волшебный разговор» ведет маленький лирический герой с увеличительным стеклом, которое кусочек мела превращает в «цепи гор», каплю воды — в пчелиный рой; лапки паучка — в тигринные лапы и сокращает (во сколько раз?) расстояние до луны («Увеличительное стекло»).

Но, пожалуй, самым замечательным стихотворением Уолтера Де ла Мэра является полиметричное «Где-то». Это поэтическая сказка об удивительной стране, где в теплое, уютное домишко «часто едят за одним столом вместе кошка и мышка». В эту страну «даже птица не долетит», о ней и услышать нелегко. Но мальчик — лирический герой верит, что доберется до этой страны:

Пусть мне придется
 Плыть и скакать,
 Пусть мне придется
 Глаз не смыкать,
 Падать от зноя,
 В дождь промокать,

Сквозь все ПОЧЕМУ
 И ЗАЧЕМ проникать.
 Но это, но это
 ГДЕ-ТО,
 ГДЕ-ТО, ГДЕ-ТО,
 ГДЕ-ТО, ГДЕ-ТО —
 Я все же хочу отыскать!

«Разнообразен и сложен удивительно изящный и загадочный мелодический рисунок этого стихотворения. Виктор Лунин, по его собственным словам, в течение года искал способ воспроизвести его на русском языке» [2, 119].

В стране Где-то «грань волшебства и реальности, — пишет П. Зехова, — так же легка, как сеточка паутины, трепещущая от ветра на утреннем солнце». Больше того, «сказочная жизнь выглядит порой более живой, чем настоящая» [1, 63–65].

«Сказка ведь не становится хуже, если в ней есть и правда, — размышляет Летиция, героиня сказки «Пугало», с рассказа о которой мы начали статью. — Тебе не кажется, дядюшка, что настоящие сказки даже лучше, чем правда».

Едва уловимая грань волшебства и реальности, сна и яви, мечты и действительности — ведущая черта произведений Уолтера Де ла Мэра для детей.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Зехова П. Страна под названием Где-то // Детская литература. 1998. № 5–6. С. 63–67.
2. Зиман Л.Я., Седельникова Л.М. Английская поэзия для детей на языке оригинала и в русских переводах. Учеб. пос. Saarbrücken: LAP LAMERT Academic Publishing, 2012. 137 с.
3. Маршак С.Я. Воспитание словом: Статьи, заметки, воспоминания. М.: Сов. писатель, 1964. 584 с.
4. Паутиани Л.З. Феномен детских стихотворений Уолтера Де ла Мэра, их переводы на русский язык // Актуальные проблемы детской литературы и читательского развития юного поколения: Сб. науч. ст. по матер. Межвуз. науч.-практ. конф. (Московский государственный университет культуры и искусств, 21 марта 2011). М.: РШБА, 2011. С. 110–117.
5. Decker J.M. Walter De la Mare // Dictionary of Literary Biography. V. 153. Detroit; Washington, D.C., 1995. P. 60–67.

6. Hartman L.L. Walter De la Mare // Dictionary of Literary Biography. V. 162. Detroit; Washington, D.C., 1995. P. 68–79.

7. Kirkham M. Walter De la Mare // Dictionary of Literary Biography. V. 19. Detroit; Michigan, 1983. P. 109–131.

Сказка в оригинале и в переводе

Е.О. ШАЦКИЙ,

докторант, Московский государственный гуманитарный университет
им. М.А. Шолохова

Предмет настоящей статьи — адаптация заимствованных литературных сюжетов к другой художественной культуре. Проблема рассмотрена на примере литературных сказок 30-х годов XX столетия.

Ключевые слова: советская литература, иностранная литература, сказки, адаптация.

Ye.O. Shatsky, Moscow State Humanitarian University named after M.A. Sholokhov

The fairy-tale in the original and in the translation

The subject of the article is adaptation of the borrowed literary plots to other art culture. The problem is considered on the example of literary fairy-tales of the 30th years of the XX century.

Key words: soviet literature, foreign literature, fairy-tales, adaptation.

Контакт с автором: evgo1e@yahoo.com

Предметом настоящей статьи является исследование нравственного смысла адаптации заимствованных литературных мотивов, сюжетов к другой художественной культуре. Проблема рассмотрена на примере отечественных литературных сказок XX в.

Известно, что содержание произведения искусства обусловлено духом эпохи, запросами и потребностями людей своего времени. Искусство — общение, деятельность, направленная на других людей. Художник не может не считаться с восприятием своих будущих читателей.

С учетом указанной позиции, интересно установить причины того, что некоторые отечественные литературные сказки XX в. оказались в сюжетной близости с зарубежными произведениями этого же жанра. Это явление уже пытался объяснить писатель И.В. Можейко: «Советские писатели (1930-х годов. — Е.Ш.) принялись переводить современные европейские сказки.

Оставлять на их титулах имя настоящего автора было невозможно, издательство не посмело бы издавать идеологических врагов. В то же время переводчик, объявивший себя автором, получал вдвое больше, чем тот, кто поскромничал. И вот вслед за толстовским «Золотым ключиком», вольным переводом итальянской книги «Пинноккио», широким потоком пошли другие переводы. А. Волков перевел «Волшебник из страны Оз» под названием «Волшебник Изумрудного города», Л. Лагин пересказал в «Старике Хоттабыче» английскую повесть «Медный кувшин», а Корней Чуковский перевел «Доктора Дулитла» под именем Айболита» [5, 236]¹.

Нельзя не согласиться с цитируемым автором в том, что в 30-е годы XX в. существовало негативное отношение к некоторым произведениям «буржуазной литературы». Но действительно ли при издании литературных сказок было невозможно указывать иностранные фамилии авторов?

¹ В квадратных скобках указан номер работы и страницы в ней из списка «Использованная литература». — *Ред.*